

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

*ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской
Академии образования, доктор культурологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ;*

А. А. МИХАЙЛОВ,

*заведующий кафедрой истории СПбГУП,
доктор исторических наук, профессор*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Тема возникновения и развития Петербурга, безусловно, относится к числу хорошо исследованных и освещенных страниц российской истории. Замечательное обилие исторических документов, воспоминаний, разного рода «отпечатков» времени, блестящие труды ученых¹, казалось бы, делают историческое полотно трехвековой жизни города на Неве абсолютно очевидным, доступным всеобщему обозрению. В этой, на первый взгляд, в общем-то законченной картине уточняться могут, казалось бы, лишь частные, отдельные детали.

Но если основные элементы петербургской исторической фактологии постепенно становятся бесспорными, то это совершенно невозможно констатировать в отношении общей оценки роли и места Петербурга в истории страны и ее культуры. Разумеется, данная противоречивость в оценках вытекает из самой необычности происхождения города, из уникальности его истории. Для Петербурга удивительно подходит слово «феномен», позаимствованное русским языком из греческого, в коем означает «необычный, исключительный факт, явление»².

Интересно отметить также, что в современной философии понятие «феномен» означает явление предмета в сознании, соотносит-

ся с понятием сущности и противопоставляется ему. Явление предмета в сознании не тождественно его сущности, а его познание предполагает переход от явления к сущности³. И чем ярче феномен — тем сложнее познание. Видимо, Петербург относится к весьма сложно познаваемым объектам.

Не случайно в 1999–2004 годах в городе регулярно проводились Международные конференции «Феномен Петербурга», цель которых

---

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» СПб., 1991; Грабарь И. Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX вв. СПб., 1994; Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996; Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб., 2001; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург [сб. ст. / ред. А. Э. Мальц]. Тарту, 1984. С. 30–45. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 664. Труды по знаковым системам; 18); Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. СПб., 2000. (Мраморная серия); Санкт-Петербург: 300 лет истории / Е. В. Анисимов, Е. М. Балашов, А. З. Ваксер [и др.]; отв. ред. В. М. Ковальчук; РАН, Санкт-Петербург. ин-т истории. СПб., 2003; Синдаловский Н. А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994; Смирнов С. Б. Петербург–Москва: сумма истории. СПб., 2000; Топоров В. Н. Петербургские тексты и петербургские мифы // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана = To honour of professor Yu. M. Lotman: [сб. ст.]. Тарту, 1992 и др.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М.; СПб, 1999. С. 1270.

³ См., например: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Керимова. М., 2004. С. 757.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч.

⁶ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 12.

сами организаторы сформулировали следующим образом: «...Собрав под одной крышей объединенных общей любовью к Городу литераторов и специалистов в разных областях научного знания, представить им возможность высказывать сколь угодно нетрадиционные и смелые мнения о действительных или воображаемых чарах, сокрытых в понятии “Санкт-Петербург”»⁴. Нельзя не упомянуть, что открыть первую конференцию «Феномен Петербурга» хотел Дмитрий Сергеевич Лихачев. Но она состоялась на сороковой день после кончины ученого, а сборник трудов вышел с посвящением его светлой памяти.

Петербург является в первую очередь историко-культурным феноменом. По выразительному определению К. Г. Исупова, дискуссия о культуре Петербурга, о ее истинных или мнимых противоречиях с «истинно русской» («московской») культурой началась во времена, когда «на месте будущего городка Санкт-Петербурга не было забито ни одной сваи», когда «опоры нового мировоззрения... определялись в событиях села Преображенского, в характере и в поведении юного московского царя Петра»⁵.

Оценки Петербурга и его роли в истории России издавна носили самый полярный характер: от восторга, преклонения до полного неприятия, едва ли не ненависти. Еще в начале XVIII века официальные панегирики в честь новой столицы соседствовали с мрачными пророчествами противников Петровских реформ: «Петербургу быть пусту». «...Тема Петербурга, — отмечал исследователь-литературовед В. Н. Топоров, — мало кого оставляет равнодушным. Далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некой максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на вопросы»⁶. Показательно, что в 2000 году Русским хри-

стианским гуманитарным институтом был выпущен сборник «Москва–Петербург: pro et contra», в который вошли работы множества ученых, историков, культурологов, искусствоведов, публицистов и литераторов, так или иначе посвященные культурному диалогу двух столиц и почти трехвековой полемике, порожденной этим диалогом⁷.

Распространенным является взгляд на Петербург как на «своего рода огромный портал, при посредстве которого Россия могла бы знакомиться с ценностями и новинками европейской, в основе своей романо-германской цивилизации»⁸. Еще первый историограф Петровской эпохи И. Голиков так объяснял намерения царя-реформатора при построении «Санкт-Питербурха»: «...среди толких занятий своих Великий Государь, крайне желая у Балтийского моря иметь такой порт, в который он мог бы обратить на подобие древней Александрии торговлю, а особливо Северозападные Европы, обитаемые такими народами, которые сообщением с подданными его могли бы еще споспешествовать к просвещению оных»⁹.

А. С. Пушкин, который, кстати, внимательно изучал труды Голикова, раскрыл ту же мысль следующим образом: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»¹⁰.

Известно, что впоследствии, и в XIX, и в XX веке многие ученые, писатели, публицисты понимали данные процессы односторонне. Именно от такой односторонности нередко проистекала оценка Петербурга как города «нерусского» и даже «антирусского», в противоположность «национальной» Москве. Такой взгляд был, в частности, присущ мыслителям-славянофилам, один из лидеров которых, И. С. Аксаков, призывал своих читателей Петербург «возненавидеть... всем сердцем своим и всеми помыслами своими»¹¹.

⁴ Феномен Петербурга: труды Междунар. конф., сост. 3–5 нояб. 1999 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб., 2000. С. 8.

⁵ Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антол. / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб., 2000. С. 6–7. (Русский путь).

⁶ Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург: [сб. ст. / ред. А. Э. Мальц]. Тарту, 1984. С. 4. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 664. Труды по знаковым системам; 18).

⁷ Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антол. / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб., 2000. (Русский путь).

⁸ Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб., 2005. С. 5.

⁹ Голиков И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 2. С. 107.

¹⁰ Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 307–308.

¹¹ Цит. по: Мережковский Д. С. Зимние радуги // «Город под морем...», или Блистательный Санкт-Петер-

С наибольшей силой подобные настроения выразил, пожалуй, публицист И. Н. Потапенко, писавший на страницах газеты «Наши ведомости»: «Петербург — эпилептический каприз гениального деспота... Москва — это то место, где полагается быть сердцу народа... Говоря о Москве, я, однако, вовсе не разумею этот географический пункт. Пусть это будет Тверь, Рязань, Калуга, Чухлома, какой угодно город, какое угодно местечко или село, но только чтобы это было в недрах народа... А Петербург — к черту его, пусть он провалится в болото, пусть его берут немцы, финны, самоеды, кто хочет. Отвергнутый Россией, он пропадет от голода и холода...»¹² Яростный пафос этих строк был во многом продиктован конкретной исторической ситуацией. И. Потапенко написал их в 1918 году, когда в столице погибшей Империи царили голод и разруха. Однако изображение Петербурга как абсолютно «западного», «нерусского» города — явление весьма распространенное и в публицистике, и в научной литературе.

Нетрудно проследить и становление своего рода апологетики города на Неве, основанной нередко на тех же исторических фактах, что и его критика. Разумеется, в разные исторические периоды апологеты Петербурга превозносили его с несколько разных позиций, но были в их рассуждениях о «славном Петрополе» и общие черты. В первые годы своего существования «Петербург представлялся российским неопитам западных учений великой попыткой осуществить под водительством просвещенного монарха мечту просветителей о рационально организованном мире»¹³. Поэт А. П. Сумароков восклицал: «Узрят тебя, Петрополь, в ином виде потомки наши: будешь ты северный Рим»¹⁴.

В первой половине XIX века «западники», полемизируя со «славянофилами», всячески подчеркивали роль Петербурга в качестве источника прогрессивной, европейской культуры. Вместе с тем у многих либерально настроенных авторов город на Неве вызывал раздражение как центр всяческого официоза (что естественно диктовалось его столичным статусом). Подобный подход нашел яркое выражение в русской художественной

литературе, в пушкинском противопоставлении «город пышный, город бедный». Показательно, однако, что даже В. Г. Белинский, при всей своей антипатии к самодержавным порядкам, видел в Петербурге «способ распространения и утверждения европеизма в русском обществе. Петербург есть образец для всей России во всем, что касается до форм жизни, начиная от моды до светского тона, от манеры класть кирпичи до высших таинств архитектурного искусства...»¹⁵ Многие историки и публицисты, отечественные и зарубежные, писали о Петербурге как о первом (а иногда и единственном) в России «европейском» городе, центре знаний и просвещения, который уже самим своим появлением всколыхнул «дремучую» Русь.

Новый и заслуживающий серьезного внимания импульс к дискуссии о сути историко-культурного феномена Петербурга дают, на наш взгляд, работы академика Д. С. Лихачева, переизданные и вовлеченные в научный оборот на качественно ином уровне в последнее время. Среди них работы: «Петровские реформы и развитие русской культуры», «Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Русская культура в современном мире» и другие, изданные Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов в 2006 году в сборниках «Д. С. Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре» и «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов»¹⁶. Отдельные аспекты петербургской культуры затрагиваются Д. С. Лихачевым в работах, посвященных Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому и другим русским литераторам, в монографии «Поэзия садов» и др.¹⁷ Особый интерес представляют «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века»¹⁸. Однако центральной в данном плане является лекция «Петербург в истории русской культуры», прочитанная ученым при

бург. Воспоминания. Рассказы. Очерки. Стихи / сост. С. А. Прохвятилова, вступ. ст. Е. Анисимова. СПб., 1996. С. 327.

¹² Потапенко И. И. Проклятый город // Наши ведомости. 1918. 3 янв.

¹³ Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Белинский В. Г. Петербург и Москва // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 397.

¹⁶ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / науч. ред. Ю. В. Зобнин. СПб., 2006; Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2006.

¹⁷ Лихачев Д. С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 285–303; *Он же*. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998.

¹⁸ Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 276–284.

посвящении его в почетные доктора СПбГУП 19 мая 1993 года¹⁹.

Не вызывает сомнений, что Дмитрий Сергеевич был буквально влюблен в Петербург. Его научные и публицистические работы о городе полны восторженных оценок. Петербург, по его убеждению, не только сконцентрировал «лучшие черты русской культуры»²⁰, но он также «самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов»²¹. Однако подобные оценки — не просто дань традиционной апологетике Петербурга, они не носят произвольного характера, но органично вытекают из всей системы взглядов ученого.

Д. С. Лихачев создал культуроцентричную концепцию истории²². Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники. Сначала очень подробно анализируются экономические и политические процессы, а потом, в конце, между прочим — культура того или иного исторического периода, да еще поданная как сухой перечень некоторых достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал Д. С. Лихачев, критикуя марксистскую теорию исторического процесса в ее вульгаризированной форме. По его убеждению, «учение марксизма» есть «принижаящее окружающее общество, подчиняющее его грубым материальным законам, убивающим нравственность...»²³.

История человечества для Д. С. Лихачева — это в первую очередь история культуры. Именно «культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств»²⁴. И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Д. С. Лихачеву, также обретается в культурном аспекте человеческой деятельности. Изучение культуры означало для Дмитрия Сергеевича исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общест-

ва, направляя в значительной мере ход истории. Будущее общества, соответственно, рассматривалось ученым как некий культурный проект, созданный прошлым. Ни государство, ни народ, ни отдельная личность не могут начать жизнь заново, «с чистого листа». Возможность управлять будущим ограничена рамками предшествующей культуры. Но история не только задает границы возможного, но и содержит указания на наиболее перспективные пути его развития.

В статье «Русская культура в современном мире» Д. С. Лихачев отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»²⁵.

Вместе с тем российская культура в понимании Д. С. Лихачева — это культура европейская на протяжении всего ее развития. «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению, — писал он. — ...Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»²⁶. В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Д. С. Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению Д. Лихачева, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»²⁷.

На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и

¹⁹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 11–25.

²⁰ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Там же. С. 24.

²¹ Там же.

²² Подробнее см.: Запесоцкий А. С. Великий русский культуролог // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 27 нояб. С. 4.

²³ Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 182.

²⁴ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект идей): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 29.

²⁵ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 196.

²⁶ Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. Заметки о русском. СПб., 1997. С. 30–31.

²⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 18.

сказывалось прежде всего на военном деле, государственной организации, экономике²⁸. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское. Влияние степных народов, по мнению Д. С. Лихачева, было весьма скромным, по сути архаичным. Исследователь также считал, что не следует преувеличивать воздействие на русскую культуру, общество и государство татаро-монгольского нашествия. Соответственно, Д. С. Лихачев считал, что «Русь естественнее было бы назвать Скандо-византией, нежели Евразией»²⁹.

Взгляд Д. С. Лихачева на европейский характер культуры России определил и его взгляд на деятельность Петра I, на ту оценку, которую ученый дал мероприятиям царя-реформатора в области культуры. Д. С. Лихачев вовсе не считал Петровскую эпоху временем разрыва с национальными традициями, отрицал популярный у многих авторов тезис о том, что якобы «Петр и его эпоха вырыли пропасть между старой и новой Россией»³⁰.

При этом важно подчеркнуть, что Д. С. Лихачев не ограничивал тесную взаимосвязь Петровской эпохи с предшествующим развитием России только XVII веком. В последнем факте историки и философы не сомневались задолго до него. Еще К. Д. Кавелин писал: «В течение XVII века явно обозначались новые потребности государства и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII веке, в так называемую эпоху преобразований»³¹. Однако Д. С. Лихачев последовательно отстаивал тезис о европейском характере древнерусской культуры и, в частности, литературы на протяжении всего ее существования. «Петровские реформы, — пишет Д. С. Лихачев, — были подготовлены не только явлениями XVII века. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени»³².

²⁸ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы...

²⁹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 359.

³⁰ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 166.

³¹ Цит. по: Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антол. СПб., 2003. IV. Контекст. § 4.2. Петр — ускоритель уже начавшейся до него европеизации. С. 736.

³² Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

Во многом именно понимание эпохи Петра I как логичного, закономерного этапа в развитии России и российской культуры и определило взгляд Д. С. Лихачева на сущность культуры Петербурга. Еще В. Г. Белинский, размышляя о роли Петербурга в отечественной истории, задавался вопросом: «Что-нибудь одно: или реформа Петра Великого была только великою исторической ошибкою, или Петербург имеет необъятное великое значение для России»³³. И Д. С. Лихачев убедительно доказывал: реформы Петра являлись не «ошибкой», но естественным следствием всего историко-культурного развития страны. Следовательно, созданный в ходе этих реформ Петербург закономерно вобрал в свою культуру лучшие традиции русской культуры, европейской по своей сути. Вобрав же европейские культурные традиции, Петербург одновременно стал городом общемировых культурных традиций. Ибо важнейшими особенностями европейской культуры, по Лихачеву, являются личностное начало, стремление к свободе и восприимчивость к другим культурам. Именно поэтому в петербургской культуре органично соединяются художественные традиции Древней (допетровской) Руси и различных европейских стран Нового времени.

Подкрепляя данное положение конкретными примерами, Д. С. Лихачев показывает влияние на облик Петербурга древнерусских архитектурных традиций. Они обнаруживаются прежде всего в наиболее старых постройках города, например, в планировке здания «Двенадцати коллегий», в сводах Меншиковского дворца («там псковские и новгородские своды») и др.³⁴

Причины этого понятны. Как справедливо отмечает историк архитектуры С. П. Заварихин, «...петровское барокко даже при наличии европейских влияний не смогло бы так быстро сформироваться, если бы оно не было подготовлено предыдущим, почти вековым, периодом развития русского зодчества»³⁵. Влияние русских традиций на зодчество сказывалось и в том случае, если непосредственными руководителями строительства, архитекторами были иностранцы. Трудно не согласиться с И. Грабарем, который писал, что большинство «иноземных» зодчих «сами изменяли творческую манеру под влиянием

³³ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 394.

³⁴ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 263.

³⁵ Заварихин С. П. Явление Санкт-Петербург-Бурха. СПб., 1996. С. 102.

русских мастеров» и «часто совершенно забывали о своем первом отечестве и становились русскими в полном смысле слова, русскими по складу, по духу и чувству»³⁶.

Русский характер придавали Петербургу также церкви, которые в XIX веке стали строить в «национальном» стиле. Характерно, что Д. С. Лихачев решительно опровергает тезис о «подражательности» того стиля, в котором работали архитекторы К. А. Тон и А. И. Штакеншнейдер. «Подражание, — пишет он, — обычно в какой-то мере отрывает содержание от формы. Здесь этого не было. Например, колокольни требовались по законам церковного богослужения; пятиглавия соответствовали русскому религиозному сознанию»³⁷. Еще одной чертой, роднящей Петербург со старинными русскими городами, было, по Д. С. Лихачеву, наличие в нем гостиных дворов, характерных «для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги...»³⁸. Влияние древнерусских традиций, разумеется, не ограничивалось только архитектурой. «Древнерусские культурные традиции, — отмечал Д. С. Лихачев, — живут в Петербурге и в письменности, преимущественно старообрядческой, и в музыке, преимущественно церковной...»³⁹.

Тесное переплетение в петербургской культуре древнерусских и западноевропейских традиций несколько роднило ее, по мнению ряда философов, с культурой древнего Новгорода. Выдающийся философ Г. П. Федотов писал: «Богат и сложен Великий Новгород. Мы и сейчас не понимаем, как мог он совместить с буйным вечем молитвенный подвиг, с русской иконой ганзейский торг. Все противоречия, жившие в нем, восстрешили в старом и новом Петербурге...»⁴⁰ Сходные идеи высказывал литературовед и писатель В. В. Гишпиус: «Окно в Европу. Не “выдумка” Петра, как изошрялись славянофилы, а — “история России с древнейших времен”. Мы не так давно выучили: древняя Россия не только Киев, но и Новгород... Теперь наконец выучим: и — Петербург. Новгород — Киев — Москва, — Петербург или Новгород, придвинутый к морю!»⁴¹

³⁶ *Грбарь И.* История русского искусства. М., 1910. Т. 1. С. 1–2.

³⁷ *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 264.

³⁸ Там же. С. 263.

³⁹ Там же. С. 264.

⁴⁰ *Федотов Г. П.* Три столицы // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. С. 484.

⁴¹ *Гишпиус В. В.* Сон в пустыне // Там же. С. 384.

Интересно, что Д. С. Лихачев также проводил некоторые аналогии между историко-культурными судьбами Петербурга и Новгорода. В работе «О русской интеллигенции» ученый отмечал: «Европа торжествовала при Петре в России потому, что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь “из Варяг в Греки”, который был прерван в России татаро-монгольским игом, и построить у его начала Петербург»⁴². Здесь же он отмечал, что именно путь «из Варяг в Греки» являлся в Древней Руси не просто торговой артерией, но и путем «распространения культуры», важнейшим же центром на этом пути был Новгород⁴³.

Весьма показательно, что связь Петровской эпохи с предыдущим развитием страны наряду с убежденными «западниками» отрицали сторонники евразийства, только они наделяли произошедший культурный «переворот» исключительно отрицательными характеристиками. Так, князь Н. Трубецкой полагал, что «если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романно-германской “ориентации”, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»⁴⁴.

Для Д. С. Лихачева подобное отречение российских интеллектуалов от Европы, «игра в азиатчину» были, по всей видимости, в лучшем случае неприятным кокетством, в худшем — политической безответственностью⁴⁵. «На самом деле Россия — это никакая не Евразия, — писал он в работе “О русской интеллигенции”, — <...> Россия — несомненная Европа по религии и по культуре»⁴⁶. В этой же работе ученый подчеркивал: «Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур»⁴⁷.

⁴² *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.

⁴³ Там же. С. 384–385.

⁴⁴ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 95.

⁴⁵ Подробнее об отношении Д. С. Лихачева к евразийству см.: *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. СПб., 2007. С. 72–90. Примеч.: ряд глав написаны в соавт. с Ю. В. Зобниным, Л. А. Санкиным, Т. Е. Шехтер, Ю. А. Запесоцким.

⁴⁶ *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 384.

⁴⁷ Там же.

Отрицая постулаты «евразийства», Д. С. Лихачев был, конечно, далек от того, чтобы отрицать влияние на формирование Петербурга культурных традиций неевропейских стран: «Петербург — город общемировых культурных интересов, — подчеркивал ученый, — это отразилось и в его внешнем облике: на берегу Большой Невы стоят египетские сфинксы, китайские ши-цзы и античные вазы. Кстати сказать, это характерная черта не только Петербурга, но и Рима, и Парижа, и Лондона — центров мировой культуры. И это очень важная черта нашего города»⁴⁸.

Данная фраза заставляет вспомнить слова блестящего знатока культуры Петербурга Н. П. Анциферова из его широко известной работы «Душа Петербурга»: «Годы вносили в строгий и прекрасный покров Северной Пальмиры все новые черты империализма. Словно победоносные вожди справляли здесь свои триумфы и размещали трофеи по городу. А Петербург принимал их, *делал их своими, словно созданными для него* (курсив наш. — Авт.). На набережной Невы... поместились два сфинкса — с лицом Аменготепа III... И эти таинственные существа, создание далеких времен, отдаленных стран, чуждого народа, здесь, на берегах Невы, кажутся нам совсем родными, вышедшими из вод великой реки столицы Севера...»⁴⁹.

Становление петербургской культуры, по мнению и Н. П. Анциферова, и Д. С. Лихачева, вовсе не предполагало слепого копирования чужеземных образцов, формального соединения разнородных элементов, но являлось результатом творческой переработки чужого, его изменения применительно к русской специфике.

Что же касается мифа о «чужеродности» Петербурга для России, об отсутствии связей между петербургской культурой и русскими национальными традициями, то подобный взгляд был во многом создан самим царем-реформатором, который, говоря словами Д. С. Лихачева, хотел и умел «придать демонстративный характер не только своей собственной фигуре, но и всему тому, что он делал»⁵⁰. Поясняя причины целенаправленного создания Петром I подобной легенды, Д. С. Лихачев отмечал: «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо

было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России, косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась»⁵¹. Надо заметить, что взгляды царя-реформатора вполне разделяли и многие его сподвижники, причем зачастую вполне искренне. Они сами поднялись «из ничтожества» благодаря реформам, ощущали себя создателями новой России, а прошлое страны склонны были оценивать с долей пренебрежения. В свете новизны Петровских реформ и Петербург неизбежно воспринимался многими как «небывалый», чуждый «старой» Руси город.

Мысль о демонстративной составляющей в облике Петербурга в петровские времена высказывал целый ряд историков культуры. Так, Е. Э. Келлер отмечает: «Политические притязания Петра и необходимость пропаганды и рекламы рождали некоторые обязательства — обязательства самого царя перед столицей и перед страной, обязательства столичного Петербурга перед Россией...»⁵² Сознательная деятельность Петра I по конструированию нового образа страны стала объектом анализа в работах молодого петербургского ученого Ю. А. Запесоцкого. Пользуясь современной терминологией, он отмечает, что царь-реформатор «осуществил то, что сегодня можно было бы назвать ребрендингом, в масштабах целого государства»⁵³. Выводы Ю. А. Запесоцкого опираются на взгляды Д. С. Лихачева, который указывал, что Петр осознанно перенес столицу на Запад⁵⁴. На новом месте легче было творить новый миф. Разрыв со старой знаковой системой, однако, вовсе не означал, как говорилось, полного разрыва с культурными традициями.

Более того, как ни парадоксально это прозвучит, но, отодвигая столицу к рубежам державы, Петр I, по мнению Д. С. Лихачева, также следовал очень древней традиции. Ни об одной особенности Петербурга не было высказано, пожалуй, столько критических и

⁵¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191–192.

⁵² Келлер Е. Э. Указ. соч. С. 99.

⁵³ См.: Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. § 4. Образ России как культурная доминанта петровских реформ / гл. написана Ю. А. Запесоцким. С. 69.

⁵⁴ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

⁴⁸ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 16–17.

⁴⁹ Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 36.

⁵⁰ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

резких замечаний, как о его пограничном положении. Еще Д. Дидро, ссылаясь на слова С. К. Нарышкина, писал Екатерине II: «Страна, в которой столица помещена на краю государства, похожа на животное, у которого сердце находилось бы на кончике пальца...»⁵⁵ С тех пор в произвольности выбора места для столицы Петра упрекали многие и многие. Однако Д. Лихачев приводит целый ряд исторических примеров, опровергающих мнение об абсолютно нетипичном географическом положении Петербурга: «Характерно следующее: стремление русских основывать свои столицы как можно ближе к границам своего государства. Киев и Новгород возникают на важнейшем в IX–XI веках европейском торговом пути, соединявшем север и юг Европы — на пути “из Варяг в Греки”. <...> А затем, после татаро-монгольского ига, как только открываются возможности торговли с Англией, Иван Грозный делает попытку перенести столицу поближе к “морю-окиану”, к новым торговым путям — в Вологду...»⁵⁶

Интересно, что для Д. С. Лихачева был неприемлем не только тезис о «нерусскости» Петербурга, но и тезис о том, что он является слепком с западноевропейских образцов. Подобный взгляд типичен для многих западноевропейских авторов как в прошлом, так и в наши дни. По мнению же Д. С. Лихачева, Петербург является необычным городом, который не только «чрезвычайно европейский и чрезвычайно русский», но и в силу этого «отличается и от Европы, и от России»⁵⁷.

Даже внешне Петербург не похож на западноевропейские города, которые формировались в средние века на территории, ограниченной крепостными стенами. Об этой «непохожести» Петербурга на старые европейские столицы также писал В. Г. Белинский: «Говорят еще, что Петербург не имеет в себе ничего оригинального, самобытного... и как две капли воды похож на все столичные города в мире. Но на какие же именно? На старые, каковы, например, Рим, Париж, Лондон, он походить никак не может; стало быть, это сущая неправда»⁵⁸.

⁵⁵ Дидро Д. Собр. соч.: в 10 т. М., 1947. Т. 10. *Rossica*. Произведения, относящиеся к России. С. 192.

⁵⁶ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 195.

⁵⁷ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 15.

⁵⁸ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 394.

Петербург возник в совершенно другую эпоху, нежели старинные города Западной Европы, и облик его иной. Коль скоро реформы Петра ознаменовали переход русской культуры «от средневекового типа к типу Нового времени»⁵⁹, то и Петербург строился в первую очередь как город Нового времени. Он появился в эпоху, для которой в высшей степени был характерен культ разума, рационализма, знания. Петербург возводился по четкому плану, согласованному с личными распоряжениями царя, который видел в Петербурге «образцовый», «примерный» город.

Принадлежность Петербурга к Новому времени выразилась также в том, что он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Не случайно еще упомянутый выше А. Голиков сравнивал «град Петров» с Александрией — средоточием философских и научных школ древности. Именно в Петербурге уже в XVIII веке активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Развитие научных и учебных заведений здесь происходит чрезвычайно быстрыми темпами. Эту особенность чутко уловил еще Вольтер, который, посвящая графу И. И. Шувалову свою трагедию «Олимпия», писал: «Не прошло и 60 лет с той поры, как положено было начало вашей империи Петербургу, а у вас уже давно существуют там научные учреждения и великолепные театры...»⁶⁰ Таким образом, город молод, но «научные учреждения» существуют там «давно» — с самого основания.

Именно «просветительская» роль Петербурга, по убеждению Д. С. Лихачева, определила существенные черты его культуры. Здесь необходимо отметить, что Дмитрий Сергеевич, высоко оценивая достижения древнерусской культуры, указывал одновременно на «отсутствие на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»⁶¹.

Правда, еще в 1687 году в Москве открылось Славяно-греко-латинское училище, позже названное Академией, в котором молодые люди постигали «семена мудрости» из

⁵⁹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

⁶⁰ Цит. по: Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. С. 15.

⁶¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

наук гражданских и церковных, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия...»⁶² Но это учебное заведение не являлось университетом в полном смысле слова. К тому же, в отличие от европейских университетов данного периода, Академия находилась под контролем церкви. Венцом учености в ней почиталось «богословие», да и численность учеников здесь была невелика. Любые попытки руководивших Академией братьев Лихудов выйти за установленные церковными иерархами пределы немедленно вызвали резкий окрик. Для православной церкви университетская наука Западной Европы означала, в первую очередь, «латинство», чуждую и враждебную веру, и вызывать симпатии не могла.

Петр I начинает создание в России широкой системы светского образования, и именно при его правлении приходит на Русь европейская наука Нового времени. Приходит во многом через Петербург и благодаря Петербургу. С ролью города на Неве как крупнейшего, особого центра науки и просвещения связана, по мнению Д. С. Лихачева, и такая черта петербургской культуры, как академизм. Ученый отмечает, что здесь формируется особая «склонность к классическому искусству, классическим формам», что «проявилось как внешне в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»⁶³. По мнению Д. С. Лихачева, в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер. Классицизм с его четкостью, ясностью и содержания, и формы закономерно обусловил такую неотъемлемую черту петербургской культуры, как профессионализм, который пронизывает и науку, и искусство, и даже общественно-политическую деятельность.

Профессионализм, в трактовке Д. С. Лихачева, вовсе не сводится к узкой специализации, но, напротив, предполагает тесную «связь наук и искусств с обучением. Научные школы были даже формально связаны с учебными заведениями»⁶⁴. Учебные заведения Петербурга традиционно давали глубокое и разностороннее образование, ибо профессионализм работавших в них специалистов базировался на фундаментальном образовании.

⁶² Цит. по: Буганов В. И. Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989. С. 287.

⁶³ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 17.

⁶⁴ Там же.

По мнению Д. С. Лихачева, не случайно именно в Петербурге появился и кристаллизовался особый, в ряде отношений — высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли ученого, интеллигенция явилась уникальным результатом зрелости европейской духовной традиции и одновременно явлением, которое закономерным образом сформировалось именно на российской почве. Своим путем к этой же мысли приходит выдающийся российский культуролог М. С. Каган⁶⁵. Для появления интеллигенции, по мнению Д. С. Лихачева, «нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»⁶⁶. Интеллигент, по Д. С. Лихачеву, это совестливый человек, обладающий образованием и интеллектуальной свободой⁶⁷.

Д. С. Лихачев неоднократно отмечал, что интеллигент не только образован, он еще и духовно свободен. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали А. Пушкин и А. Блок. Высказывать свои мысли опасно, но скрывать их невозможно, непереносимо для подлинного интеллигента. Именно об этом трагическом столкновении интеллигенции с тиранией писал Джеймс Биллингтон, уподобляя судьбу «европейской культуры» в Петербурге (а вернее — в России в целом) судьбе свободлюбивой пальмы из притчи В. Гаршина. «История европейской культуры в этом городе, — говорится в его книге “Икона и топор”, — напоминает историю экзотической пальмы в рассказе Всеволода Гаршина. Искусственно пересаженная из жарких краев в оранжерею северного города, эта пальма тщится одарить все запертые в оранжерее покорные растения буйной свободой своей родины. Ее блистательное устремление вверх, к неуловимому солнцу... завершается разбитым потолком оранжереи и убийственной встречей с подлинным климатом этих мест»⁶⁸.

Однако при всей эмоциональной напряженности подобного образа выводы Д. Биллингтона весьма отличаются от убеждений

⁶⁵ Каган М. С. Указ. соч. С. 400.

⁶⁶ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.

⁶⁷ См. подробнее: Запесоцкий А. С. Последний российский интеллигент: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Огонек. 2006. 20–26 нояб. (№ 47). С. 14–15; Он же. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. 2006. № 11. С. 129–140.

⁶⁸ Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 234.

Д. Лихачева. Дмитрий Сергеевич не без оснований считал интеллигенцию именно русским явлением. «Постоянное стремление к свободе, — писал он, — существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна)»⁶⁹. Используя метафору Гаршина, «подлинный климат» России не убил цветущую зелень интеллектуальной свободы, но закалил ее носителей, сделал их подлинными интеллигентами.

Именно поэтому Д. С. Лихачев в числе важнейших сторон петербургской культуры называет наличие в городе многочисленных добровольных объединений, кружков, общественных организаций, в которых «собирались мыслящая часть общества — ученые, художники, артисты, музыканты и т. п.»⁷⁰. Многие из этих групп формировались по профессиональным занятиям людей, в них входящих, и, соответственно, способствовали «росту петербургского профессионализма»⁷¹. В другие группы входили люди разных профессий, но сходного мировоззрения, убеждений. Неофициальные и полуофициальные объединения играли особую роль в формировании общественного мнения: «Общественное мнение в Петербурге, — говорил Д. С. Лихачев, — создавалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах ученых и т. д. Именно здесь формировалась и репутация людей...»⁷².

К числу подобных кружков относилась и «Космическая академия», в которую входил в юности сам Дмитрий Сергеевич и которая была жестоко разгромлена советской властью. Склонные к деспотизму правительства всегда крайне негативно относились к неформальным объединениям мыслящих людей, не без оснований видели в

них угрозу. Однако, по мнению Д. С. Лихачева, именно благодаря им в Петербурге «сконцентрировались самые лучшие черты русской культуры»⁷³.

Петербург оценивается Д. С. Лихачевым как своего рода вершина российско-европейско-мирового культурного развития. Петербургская культура вобрала лучшие черты российской культуры как «европейская, универсальная культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества»⁷⁴.

Разумеется, включением в контекст современных дискуссий воззрений академика Д. С. Лихачева, касающихся сути Петербурга как культурного феномена российской истории, черта под спорами по данному вопросу не может быть подведена. Во-первых, есть основания полагать, что актуализация историко-культурного научного наследия Д. С. Лихачева, происходящая в настоящее время, является лишь частью современного процесса по воссозданию целостной картины истории российской культурологической мысли — картины, существенно деформированной в советское время. И результаты этого процесса не могут не сказаться на осмыслении фактов и явлений нашей истории. Во-вторых, можно предположить аналогичный эффект и от общего стремительного развития отечественных гуманитарных наук⁷⁵, в особенности — от совершенствования методологии междисциплинарных исследований.

Наконец, как нам представляется, утверждение взгляда на историю Отечества как историю Культуры, историю утверждения и неуклонного расширения Человеческого начала является в целом одним из прогрессивных направлений развития исторической науки.

Все это позволяет нам надеяться на дальнейшее развитие дискуссии по различным аспектам историко-культурной сути феномена Петербурга.

⁶⁹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 371.

⁷⁰ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 21

⁷¹ Там же. С. 23.

⁷² Там же. С. 22–23.

⁷³ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 23.

⁷⁴ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 361.

⁷⁵ См., например: Важнейшие достижения научно-исследовательской и научно-организационной деятельности ОИФН РАН в 2001–2006 гг. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук.